

Пшибышевский Станислав

Андрогина

Аметисты I, II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С75

С75 **Станислав П.**
Андрогина: Аметисты I, II / Пшибышевский Станислав – М.: Книга по Требованию, 2023. – 90 с.

ISBN 978-5-519-80044-0

ISBN 978-5-519-80044-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лень; чувствовалъ, что не могъ бы шевельнуться, не различалъ ужъ ощущений, не видѣлъ красокъ, не чувствовалъ запаха, — все слилось вмѣстѣ...

Въ душѣ его расцвѣлъ далекій просторъ полей, пустынный и широкій, какъ стоны встревоженныхъ колоколовъ въ сумракѣ ночи Великаго Четверга; гдѣ-то вдали, какъ зеркало, блестѣла бѣлая полоска озера, повитаго сонной тишиной знойнаго полудня; лишь тамъ и сямъ устремлялся кверху стройный стебель царскаго посоха, который какъ бы вдругъ разрывалъ горячую землю и побѣдоносную кисть цвѣтовъ протягивалъ къ небу; лишь тамъ и сямъ нѣсколько малорослыхъ можжевельниковъ кустовъ, странно искривленныхъ, словно ихъ отравилъ ядъ сгнившихъ труповъ, что нѣкогда легли здѣсь кровавой жатвой; лишь тамъ и сямъ въ песчаныхъ оврагахъ ярко-голубыя корзинки цикорія, тоскливо ждущія заката солнца, когда можно будетъ закрыть лепестки и грезить о таинственныхъ чарахъ пустыхъ, какъ кладбище, полей...

И видѣлъ перекрестныя дороги среди трясинъ и торфяныхъ болотъ. Насталъ роковой часъ привидѣній, полный таинственного страха и тревоги. То проснется блуждающій огонекъ быстрымъ, словно мысль, полетомъ; то разольется тихій, таинственный свѣтъ надъ болотистымъ прудомъ; то завоюетъ собака въ близкой деревнѣ, и другая отвѣтитъ ей протяжнымъ воемъ; то отзовется хриплое рычанье сторожевой трубы, — и снова тишина, тишина углубляющаяся, проникающая въ пасть бездны, все поглощающая, и мое сегодня, и мое завтра, приковывающая къ землѣ, отдѣляющая отъ всего міра и нагоняющая чувство безконечнаго одиночества.

И все въ новыхъ образахъ проносила предъ его душою родная земля: гигантское покрывало, испещренное, изрѣзанное зелеными полянами ячменя, цвѣтущими бѣлыми нивами гречихи, золо-

тистыми полосами ржи, кровавыми грядами тяжелыхъ, какъ бичи, колосьевъ пшеницы, — вся земля, весенняя, цвѣтущая, охваченная творческою страстью, праздничной роскошью торжественной тишины, — вся земля, до далекихъ пригорковъ, до ограды бѣлаго костела...

Святою лаской лились на поля широкія волны колокольнаго звона; огненнымъ потокомъ разливалось громкое пѣнье процессій въ день Тѣла Господня; мелькали среди темныхъ кустовъ, окружающихъ костелъ, бѣлыя платья дѣвушекъ, сыплющихъ цвѣты подъ ноги священника; чернѣли сукманы, подвязанныя красными поясами...

Вздрогнулъ. И даже какъ-то съежился отъ охватившей его тоски.

И снова потянулись безконечной чередой: свадебное шествіе — громкій визгъ скрипокъ изъ липовой коры, хриплый ревъ басовъ, звенящихъ деньгами, которыя женихъ всыпалъ внутрь ихъ — и крикъ, рѣзкій и звонкій, время отъ времени рвущійся вверхъ: «Ой, наша!» — А вотъ, въ распутицу, по грязной дорогѣ, плетется небольшая кучка поющихъ людей. Нѣсколько дѣвушекъ несутъ на поясахъ бѣлый гробикъ умершаго мальчика, — а вотъ — о, о — безъ конца, безъ остановки, непрерывной, вереницей...

Мало-по-малу въ глазахъ у него темнѣло — лишь нѣсколько неясныхъ, отрывочныхъ образовъ лѣниво промелькнуло въ его мозгу — душа окутывалась мракомъ ужаса, погружаясь въ сонъ, и вдругъ пробудилась съ мощной пѣсню...

И чары, и одуряющій ароматъ экзотическихъ цвѣтовъ, и рай родной земли, — все это слилось въ душѣ его въ рыцарское шествіе бронзовыхъ звуковъ, закованныхъ въ сталь, такъ что даже земля подгибалась подъ ихъ побѣднымъ размахомъ, — душа его разливалась въ рыданія матери, утратившей послѣднее дитя; распускалась вѣнкомъ изъ руты въ праздничныхъ пѣсняхъ; бушевала пьянымъ разгуломъ въ биткомъ на-

битыхъ корчмахъ; порывалась вверхъ дикимъ крикомъ, словно одинокій стебель царскаго посоха на выжженномъ зномъ паровомъ полѣ, — и вся эта пѣснь дилась въ дикія русла, высыхала, вновь возвращалась и вновь разливалась...

И схватила его какая-то мощная сила въ свои объятья. Бѣшенный порывъ бури налетѣлъ на него съ зловѣщимъ воемъ, подхватилъ на черные гребни вспѣнной пучины, бушевалъ въ немъ, вылъ, рвалъ на части, и лишь въ бездонной глубинѣ ясный звукъ то исчезалъ, то вновь появлялся, то утопалъ, то выплывалъ на поверхность, словно отраженъ блѣдной звѣзды въ бушующемъ прибоѣ черныхъ волнъ.

И долго боролся этотъ ясный лучъ съ водяною мятежью терзаемаго бурей моря, медленно, но упорно разливался тонкими струями, извивался въ змѣиныхъ движеньяхъ, то подъ себя подгибаясь, то вновь вытягиваясь, какъ струна: — надъ колеблющеюся бездной отчаянныхъ завываній, безбрежныхъ страданій, вопля и воя скользили тихія, тоскливыя волны свѣта; все шире, все могучѣе волны успокоенья и тихаго отчаянья захватывали свирѣпую бурю въ свои объятья, ласкали и баюкали какою-то неземною тоскою, какимъ-то расслабляющимъ упоеньемъ...

Вздрыгнулъ.

Передъ нимъ вырисовалось лицо дѣвушки: ясный звукъ, ясное отраженъ блѣдной звѣзды на кипящихъ темныхъ волнахъ, — никогда не видалъ ея, но зналъ ее, зналъ...

Очнулся, протеръ глаза — повидимому, онъ бредилъ. Былъ такъ измученъ...

Закурилъ папиросу, сталъ ходить по комнатѣ, но не могъ никакъ отдѣлаться отъ видѣнья этого личика, полуревбенка — полуженщины.

Да, это она. Она поднесла ему эти цвѣты. Задумался, откуда зналъ это такъ навѣрное.

Вѣдь на эстраду ему подалъ ихъ капельдинеръ...

И все думалъ, думалъ...

«Итакъ, она была тамъ, сидѣла въ первомъ ряду, и черныя звѣзды ея очей проникли въ мою душу, отразились въ пучинѣ моей души. Въ то время, когда весь міръ исчезъ у меня изъ глазъ, когда все слилось въ одномъ порывѣ бури, льющемся изъ-подъ моихъ пальцевъ, могущество тоски ея отразило во мнѣ тѣ глаза — ея глаза... А я самъ ужъ дополнилъ лицо, ибо лишь такое лицо горитъ тѣмъ свѣтомъ, который разливается вокругъ этихъ очей...

И свѣтъ этотъ охватилъ его всего, впитался въ кровь его, полился по жиламъ; дрожь охватила его съ ногъ до головы; весь трепеталъ въ невѣдомомъ упоеньи...

— Ибо передъ минутой искупленья бываютъ необычайныя знаменья, — шепталъ онъ тихо, — во мнѣ пробудилась вся земля; вся жизнь молніей промелькнула въ моей душѣ; все отчаянье и все наслажденье жизни распустили свои крылья передъ моими глазами...

Остановился и долго глядѣлъ на букетъ и на красную ленту съ тѣмъ таинственнымъ именемъ...

Да, она гибка и стройна, какъ стебель туберозы, и очи ея чисты, какъ тѣ двѣ бѣлыя звѣздки на сонно склоняющейся туберозѣ.

Снова сталъ думать о своемъ видѣніи...

Это таинственная минута, когда пробуждается солнце, подумалъ онъ...

Долго смотрѣлъ онъ въ окно, на снѣжныя загородныя поля: при первомъ проблескѣ дня снѣгъ казался голубымъ; все расширяющаяся полоса свѣтлыхъ тоновъ, змѣясь, извивалась на краю неба...

Съ тѣхъ поръ онъ не могъ уже отдѣлаться отъ видѣнія этого маленькаго личика съ темными звѣздами, свѣтомъ своимъ разливавшимся въ его жилахъ — предъ глазами его постоянно была гибкая фигура полуребенка, полуженщины, въ видѣ стройной туберозы съ двумя бѣлыми цвѣтками...

По цѣлымъ часамъ онъ думалъ и мечталъ.

И все однѣ и тѣ же картины проносились передъ его глазами. Въ глубинѣ души его сплелись неразрывно видѣнія его земли, вереницы звуковъ и пѣсенъ, ароматы цвѣтовъ, мрачная буря и отраженье блѣдныхъ звѣздъ на бушующихъ морскихъ волнахъ.

Не понималъ этой связи. Порой ему казалось, что она — это его земля во всей своей весенней тоскѣ; цвѣты, которые дала ему, это — нарядъ, вѣчно измѣничивый, вѣчно одинаковый образъ ея души; глаза ея, это...

Прерывалъ потокъ мыслей, хваталъ цвѣты, обсыпалъ себя ими, метался въ нихъ, одурялъ себя и грезилъ, и мечталъ о ней...

Держалъ ужъ ее въ своихъ объятьяхъ, страстно прижималъ къ своей груди и цѣловалъ — цѣловалъ...

Вдругъ вскакивалъ съ внезапной рѣшимостью: долженъ найти ее — долженъ!

Только бы уловить одинъ лучъ ея глазъ, одинъ только отблескъ, одинъ мимолетный взглядъ, и онъ узнаетъ ее, — несомнѣнно, узнаетъ...

И цѣлыми днями скитался по улицамъ города, цѣлыми часами просиживалъ въ аллеяхъ, окружающихъ городъ, — тысячи людей двигались передъ его глазами, въ каждомъ дѣвчьемъ лицѣ онъ высматривалъ ее, каждый взглядъ, казалось, вливалъ въ его жилы то же наслаждение, которымъ глаза ея прожгли его сердце до самаго дна, — но каждый разъ было одно и то же разочарованье: это не она!

И, однако, порою онъ слышалъ въ вечернемъ сумракѣ тутъ же, позади себя, отзвукъ шаговъ, словно трепетанье беспокойныхъ крыльевъ, готовыхъ съ минуты на минуту взлетѣть; видѣлъ порою мимолетный, какъ молнія, блескъ какихъ-то темныхъ очей, то изъ невѣдомыхъ далей, то изъ близи, вливавшихся въ его душу; однажды почувствовалъ ея мягкую, нѣжную руку въ своей, когда стоялъ въ темномъ углу костела и впитывалъ задумчиво грусть вечернихъ моленій; но когда повернулся, когда впился глазами въ мракъ, чтобъ разорвать его на свѣтлые клочья, видѣніе исчезло, остался лишь тихій отблескъ очей, теплое прикосновеніе руки, а по нервамъ разлился образъ стройной, гибкой туберозы, съ двумя бѣлыми звѣздами.

Грезилъ, что былъ царемъ...

О, мучительная сладость безсонныхъ ночей, когда лежалъ на террасѣ своего дворца и глядѣлъ на устѣянное звѣздами небо.

Кругомъ вился тропическій плющъ; изъ темныхъ вѣтвей выросли золотистыя кисти чарующихъ цвѣтовъ; распускались цвѣты, какихъ не видалъ еще глазъ человѣческой: цвѣты съ гигантскими чашечками, словно мѣдные колокольчики, цвѣты съ лепестками цвѣта расплавленной мѣди, цвѣты въ видѣ груди расцвѣтающихъ дѣвъ, цвѣты, смотрѣвшіе, казалось, живыми глазами, глазами бѣлоснѣжныхъ чаекъ и альбатросовъ... потомъ стебли, какъ лиліи, вырастающіе изъ умершихъ сердецъ, потомъ какъ бы пламенные языки, выросшіе изъ луковицъ, похожихъ на чудовищные человѣческіе черепа — непроходимая чаща удивительнѣйшихъ цвѣтовъ. Кругомъ, насколько хваталъ глазъ, огромные темные лѣса, заросшіе папоротниками, ятрышникомъ, ананаса-

ми, — и всѣ побѣги устремлялись вверхъ по пальмамъ, кокосовымъ, хлѣбнымъ деревьямъ, вились вокругъ нихъ, переплетали деревья, связывали ихъ, переходили съ одного ствола на другой, и съ террасы королевскаго дворца лѣсъ, обвитый ліанами и вьюнками, казался огромнымъ, чудовищно переплетеннымъ змѣинымъ гнѣздомъ.

И въ осіянную звѣздами лазурную ночь, среди этого моря ароматовъ, образовъ, красокъ, грезилъ онъ — царь — о ней одной; метался въ горячкѣ тоски и желаній, извивался на мягкихъ коврахъ, впивался пальцами въ землю, одурялъ себя ядовитымъ дыханьемъ чудовищныхъ цвѣтовъ, кричалъ о ней — напрасно...

И вотъ, наконецъ:

Велѣлъ призвать прекраснѣйшихъ дѣвушекъ своей земли, разставить ихъ въ огромномъ залѣ въ два ряда, протянувшіеся отъ подножья трона въглубь дворцовыхъ садовъ.

И, облеченный въ виссонъ и пурпуръ, долго сидѣлъ онъ на своемъ тронѣ, впился лицомъ въ обѣ ладони и смотрѣлъ на длинные ряды трепещущихъ отъ ожиданья и предчувствія дѣвъ, изъ которыхъ каждая съ наслажденьемъ сдѣлалась бы его рабою — смотрѣлъ и думалъ...

Которая?

Не та ли, глаза которой горятъ, словно кисти волчьихъ ягодъ, растущихъ на запущенныхъ просѣкахъ?

Или та, нѣжныя очи которой мечутъ время отъ времени кровавадное пламя прирученнаго тигра?

Или та, по которой пробѣгаетъ зарница, возросшая изъ сердца и тихой печалью разливающаяся по лицу?

Та ли, руки которой опустились, словно увядшія лиліи, или та, что охватила грудь свою искушающими руками, или та, съ формами сверкающей змѣи, или та, что казалась рожденной изъ сіянія звѣздъ?

И еще сильнѣе впился лицомъ въ разгоряченныя ладони, такъ какъ чувствовалъ, что ея не найдетъ, — рядъ сливающихся между собою формъ, лицъ, очей затуманилъ душу царя...

Медленно сошелъ съ трона — и ряды дѣвушекъ заколыхались, какъ молодой лѣсъ бѣлыхъ березокъ, когда по немъ повѣетъ вѣтеръ.

Какъ-будто колосья пшеницы въ душный полдень, когда вдругъ сорвется горячій вѣтеръ, склонились головки: весь залъ, казалось, затаилъ дыханье.

И трижды прошелъ онъ по рядамъ прекраснѣйшихъ дѣвушекъ своей земли, медленно, медленно съ каждымъ разомъ, но, наконецъ, сѣлъ на тронъ, сдѣлавъ знакъ рукою — остался одинъ.

Все темнѣй становилось въ сумрачномъ залѣ, а царь, погруженный въ дикое отчаянье, все еще сидѣлъ на тронѣ, опираясь лицомъ на сжатые кулаки, и безъ единой мысли глядѣлъ вдаль.

Вдругъ почувствовалъ, какъ кто-то крадется вдоль лѣса колоннъ, подпирающихъ потолокъ зала — скользитъ осторожно, словно змѣя, и вслѣдъ за нимъ льется свѣтъ, какъ-будто отблескъ обнаженного тѣла.

Царь гордо поднялъ голову, ибо никто изъ смертныхъ не долженъ былъ видѣть могучаго въ отчаяннѣ.

Ударилъ въ ладоши, и безконечный залъ озарился металлическимъ блескомъ, и въ угрюмомъ полумракѣ онъ увидѣлъ, какъ къ подножію трона ползетъ сирійскій купецъ, влекущій за собою нагую дѣвушку.

Руки ея обвивали золотыя змѣи, золотыми змѣями окружены были щиколотки ногъ, а вокругъ бедеръ — золотой поясъ, вмѣсто пряжки застегнутый цвѣткомъ лотоса, усыпаннымъ драгоцѣнными камнями.

Царь вскочилъ и смотрѣлъ въ изумленнѣ.

Не видѣлъ ея лица, такъ какъ закрывала его руками, видѣлъ лишь фигуру, видѣлъ гибкія,

стройныя формы туберозы съ двумя бѣлыми звѣздами, которыя она заслоняла лиліями сердца.

Затаивъ дыханье, смотрѣлъ царь на дивныя чары невольницы, и дрожалъ, словно въ смертельномъ страхѣ; видѣлъ, какъ она шаталась, какъ стояла, казалось, въ огнѣ отъ стыда и страха; волосы ея темной волною лились по бѣлымъ лиліямъ — вдругъ опустилась на колѣни, простерла руки и взглянула на него:

Это она!

Обѣими руками схватился за поручи трона и прошепталъ со страхомъ:

— Это ты дала мнѣ цвѣты?

Кивнула головой...

Пробудился — вскочилъ, вытянулъ руки съ громкимъ крикомъ — напрасно — все исчезло...

Минутами ему казалось, что онъ сошелъ съ ума.

Не въ состояніи былъ ни о чемъ думать, жилище свое наполнилъ дорогими тропическими цвѣтами, упивался забвеньемъ и ядомъ убійственныхъ грезъ.

Пробуждался отъ грезъ, чтобъ погрузиться въ другія, все болѣе дикія, все болѣе страстныя...

Грезилъ, что онъ могущественный магъ...

Три дня и три ночи готовился онъ къ великому заклинанію. Три дня и три ночи углублялся и разгадывалъ значеніе таинственныхъ знаковъ, начертанныхъ въ книгахъ, запечатанныхъ семью печатями; искалъ и запечатлѣвалъ въ своей памяти тайныя руны, способныя вызывать невѣдомыя силы; три дня и три ночи пилъ ядовитый

настой растений, цвѣтущихъ среди таинственныхъ чаръ ночи подъ Ивана Купала, и, наконецъ, почувствовалъ такую силу и мощь, что могъ бы заставлять растенія расти скорѣе, останавливать теченіе рѣкъ и даже громы привлекать на землю.

И въ часъ великаго чуда облекся въ драгоцѣнныя одежды праотца своего Саміаса, волосы перевязалъ семью узлами завязанною повязкой, взялъ въ руки мечъ, очертилъ кругъ, вписалъ въ немъ таинственные знаки, сталъ въ серединѣ его передъ большимъ зеркаломъ и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— О, Аштаротъ! Аштаротъ!

— Мать любви, ядомъ тоски и желанія раздѣвшая мое сердце, огонь безумной страсти разлившая въ жилахъ моихъ—мать единая, изъ струнъ души моей извлекающая мучительные стоны и вопли тоски, ужасная мать, терзающая тѣло мое адскимъ жаромъ неутоленныхъ желаній, — привѣтствую тебя!

— О, Аштаротъ! Аштаротъ!

— Дьявольская дочь лжи и обмана, въ грезахъ моихъ вызывающая предъ глазами величайшія наслажденія и упоенія, кидающая ее въ мои бѣшенныя объятія, оплетающая мое тѣло гибкими побѣгами ея членовъ — ужасная дочь сатаны, пьющая силу, и мощь, и страсть изъ крови моей, терзающая мою душу отчаяньемъ и болью — смилуйся надо мной!

И третій разъ воскликнулъ:

— О, Аштаротъ! Аштаротъ!

— Мать порока, покровительница безплоднаго лона и безплодныхъ наслажденій, посявшая въ душѣ моей неутолимую жажду, влившая въ кровь мою нечеловѣческія желанія, которыя удовлетворить ты не хочешь, насытившая мозгъ мой ядомъ нечеловѣческой похоти, застилающей глаза мои туманомъ безумья — услышь меня, Владычица!

И въ страшномъ напряженіи волосы его встали